Все-таки послезнание имеет свои преимущества. Нет, в попаданцев - прогрессоров я никогда не верил, даже когда читал о них книжки в автобусах и электричках, мотаясь по командировкам к заказчикам в своей прошлой жизни. Сказочки... Такое ощущение, что об этом зачастую пишут люди, которые не то что токарного станка в жизни не видели, но даже пары соток под картошку сами не вскопали. Читал я про одного, который в кузнице двенадцатого века себе револьвер выковал, ага... Поучать предков как им жить и работать, двигая при этом вперед науку, производство и политику семимильными шагами так просто не выйдет. Но иногда, в узких рамках, послезнание может пригодиться.

Исполнительный военно-народный комитет России, в общем-то, являлся новым временным правительством, устроенным как ни странно, по лекалам почившего совнаркома. Но не того совнаркома, который был в начале революции в этом мире, а другого - из моего времени, примерно конца двадцатых годов. И правил он до сих пор по двум причинам: во-первых его твердо поддерживали военные, а во-вторых он ухитрился провести более-менее удачные земельную и "социальную" реформы, которые сгладили часть противоречий в обществе. Кроме того, комитет привел страну к победе в Суомской кампании, показав свою силу. Ну и поддержка Николая, который даже набрал некоторый авторитет в обществе после превращения в "конституционного" монарха, сказывалась.

То есть сам по себе комитет был пока что более-менее устойчивой структурой. Как говориться, за неимением лучшего... Хотя все равно - в перспективе надо было проводить выборы, писать конституцию, определяться с формой правления, приступать к законодательным реформам. Нельзя нормально жить, если государство управляется странным гибридом из приспособленных под абсолютную монархию государственных институтов и "новым политбюро" на вершине власти. Но до всего этого просто не доходили руки - помешала и смерть Корнилина, и война, и необходимость сосредоточить все ресурсы государства на ключевых проблемах. Но пока что запас легитимности у комитета был. Но только у самого комитета, а не у его председателя и отдельных членов. Их-то никто особо не знал и большой популярности они в обществе не снискали. Замени одного члена комитета другим - никто в народе и слова против не скажет. Прочитают в газетах, пожмут плечами и пойдут дальше.

Сами комитетчики и председатель Выпин это если и понимали, то не придавали пока сему факту большого значения. А зря. Я в свое время историей крепко интересовался и знал, чем может закончиться борьба за власть в подобном комитете. Я-то знал, как товарищ Джугашвили убирал бывших соратников из власти одного за другим. Знал и про то, каким образом всемогущий товарищ Берия в один момент "лишился доверия". Помнил про заговор группы Молотова, Маленкова, Кагановича и "примкнувшего к ним Шепилова" против Хрущева, знал, почему он провалился и надеялся не допустить ошибок заговорщиков. Был осведомлен, как Никиту Сергеевича в итоге все же проводили на пенсию товарищи по партии, расчистив место компромиссной фигуре Леонида Ильича.

В этой России подобного опыта еще не было. Здесь привыкли проводить перевороты по старинке - гвардейским штыком и удавкой, ударом табакерки в висок или полками на площади. А ведь можно и по-другому: дружеской критикой соратников на "пленуме" с последующим лишением всех должностей и немедленным арестом. Если у тебя есть большинство голосов в совете, решительность и преданный лично тебе силовой ресурс - вполне посильная задача.

Все эти соображения я и попытался изложить Реброву, пресекая самым решительным образом

его удивленные вопросы типа: "откуда ты знаешь такие вещи"? Знаю, такая вот я девочка, особо одаренная, давно было пора понять. Сейчас не об этом разговор... Матвей Филиппович уже не особо удивлялся странностям - привык. Наверное, сам для себя он нашел какой-то ответ на вопрос "кто такая Таня?", но делиться своими наблюдениями и догадками с окружающими, или лезть ко мне с чересчур навязчивыми вопросами не спешил, за что я был ему благодарен.

Рабочий план заговора мы составляли почти до самого вечера, укрывшись магией от прослушивания. Понявшая, что речь идет о серьезных делах и искренне переживавшая за меня Авдотья Павловна, велела прислуге подать нам закуски и чай с кофе прямо в мою комнату, единственно - я попросил Реброва не курить в ней, и ему пришлось каждые двадцать минут бегать на улицу - напряженного мыслительного процесса без стимуляции никотином он себе не представлял. В целом, план вырисовывался, пусть и с множеством слабых мест. Но это ничего - время еще есть, и есть возможность подготовится получше.

Местонахождение Клобича и Ваузе Реброву было известно. Узнав об инциденте, он сразу же приказал своим агентам установить слежку за магами-предателями, так же как и за побитыми мною гвардейцами. Все-таки профессиональная хватка у генерала была, и он справедливо опасался, что ключевые свидетели до суда надо мной лягут на дно. Однако, принимать столь радикальные меры наши противники не стали, ограничившись лишь охраной свидетелей обвинения. Клобич с Ваузе жили в номере люкс на пятом этаже гостиницы "Северная звезда" и там же периодически общались с журналистами, рассказывая сказки про "ужасы триста второго батальона". Окна их номера были с решетками, а кроме охраны у отеля внизу, в коридоре у дверей номера стоял патруль переодетых полицейских из ведомства Язольского. В принципе - достаточно. Не будут же маги брать отель штурмом, чтобы ликвидировать свидетелей, правильно? Правильно. Только вот им стоило учесть, что подполковник Дергачева не только лучший в России маг-боец, но еще и лучший мастер заклятий иллюзии и маскировки. Не боевыми заклятьями едиными сильна сиротка Танечка...

Техническую сторону дела взял на себя Ребров. Требовалось достать копии ключей от номера магов и от черного хода для прислуги отеля, а так же подсыпать Клобичу и Ваузе на ужин снотворное. Генерал обещал мне это сделать силами спецотдела, и я даже не стал вникать в подробности этой части операции. Должен же спецотдел уметь ловить мышей самостоятельно?

Через день после нашего разговора, получив поздним вечером от посвященного в заговор Пашки ключи, я, дождавшись глубокой ночи, наложил на себя и парня заклятья маскировки, и мы полетели к гостинице. Оставив невидимого Пашу на всякий случай прикрывать меня внизу, я вошел в отель и спокойно прошел через кухню и ресторан в холл к центральной лестнице. Пара поваров, выпекавших с ночи свежий хлеб и булочки для завтрака и встретившаяся на пути горничная-поломойка меня, естественно, не заметили. Вскрыть сейчас мою маскировку могла разве что Дегуршафф и еще с десяток магов из наших батальонов, но их тут не было...

Я поднялся на пятый этаж и подошел к двери, у которой, сидя на стульях, скучали двое охранников в гражданской одежде с оттопыренными полами пиджаков. Те по долгу службы бдили, но толку? Я опасался не их, а действия маготехнических локаторов волшебства, вроде тех, что использовали бритты и имперцы. Подобное оборудование пришлось бы уничтожать или глушить, что могло вызвать подозрения. Но их не было: маголокаторы - вещь сложная, требующая специального оборудования и специалистов, поэтому, по уверениям Реброва, в России они наличествовали лишь в арсенале его спецотдела. Тяжело обычным людям играть

против магов, некому их толком проконсультировать. Во всяком случае, Клобич и Ваузе с этим не справились... В свое время Дегуршафф укрывала от магов-кандидатов на поступление в ее батальон целый стол, с сидящей за ним приемной комиссией, а уж мне при входе в номер создать оптическую и акустическую иллюзию закрытой двери для двух сонных полицейских и вовсе ничего не стоило.

Клобич и Ваузе крепко спали в своих комнатах. Оно и неудивительно - судя по пустым винным бутылкам на столе в гостиной номера, к подсыпанному в жаркое снотворному они добавили еще изрядную дозу алкоголя. Пушкой не разбудишь. Как раз то, что и требовалось...

Когда я аккуратно прикоснулся рукой к лежащему на груди спящего Клобича орбу на стальной цепочке, маг явно что-то почувствовал. Он что-то замычал во сне, начал ворочать головой, всхрапывать и даже слегка вскрикнул, словно ему снился страшный сон. Тело мага понимало, что сейчас творится что-то нехорошее, но затуманенный вином и снотворным мозг никак не мог проснуться. Я тем временем активировал его и свой орб и, после недолгих поисков в памяти чужого кристалла, начал закачивать к себе информацию. Расчет оказался верен - полная запись моей встречи с гвардейцами в коридоре "Англетера" там обнаружилась. И не только она - я спешно копировал весь массив данных из чужого орба с момента нашего возвращения из командировки и кое-какие записи до него - дома разберусь с этим поподробнее. Десять минут - и готово, спи спокойно дальше, бывший товарищ.

Ваузе, по всей видимости, набрался еще сильнее своего дружка. Взлом своего орба он и вовсе не заметил, даже на подсознательном уровне - спал как убитый.

Через двадцать минут, так ни кем и не замеченный, я покинул номер магов. А через полчаса с начала операции мы уже летели с Пашкой домой. Всегда бы все проходило так гладко...

- Лихо! - Только и качнул головой Ребров, ознакомившись с добытыми мной записями, когда я сбросил их на орб генерала, прибыв в его кабинет следующим утром. - Я ожидал, что кроме доказательств твоей невиновности мы найдем кое-что интересное, но не ожидал что настолько. Это же надо! Язольский и Некаев, оказывается, встречались с бриттским послом, обсуждали новую внешнюю политику России! После неких грядущих больших кадровых перестановок в правительстве... Тань, ты сама не представляешь, какую бомбу ты только что притащила. Это же практически доказательство готовящегося переворота!

- Представляю, - буркнул я, проверив еще раз магическую защиту кабинета. - Я сделала то, что вообще-то должен был сделать ваш спецотдел. Была бы я твоим начальником, Матвей Филиппович, ты бы у меня уже схлопотал строгий выговор.

- Не зазнавайся Дергачева, - осадил меня Ребров. - Одного не пойму, зачем они наших предателей с собой на встречу с бриттами потащили.

- Затем что маги - ценнейший ресурс. Очень. А их ни у кого кроме спецотдела в России нет. Уж на что Клобич и Ваузе - середнячки по дару, но вдвоем и они могут поставить защиту от прослушивания и проверить бриттов на отсутствие магических ловушек. Я уж не говорю, о том, что помощь магов - лучший способ гарантировать тайну и безопасность встречи. Либералы же ни бриттам, ни друг другу не доверяют, вот и проходится им пользоваться такими, как Клобич - за неимением собственных кадров. Не зря же меня так упорно валят, Матвей Филиппович - магов им надо прибрать себе к рукам, а со мной договориться не получится.

- Может и так, - задумался Ребров. - Насчет Язольского я что-то такое подозревал. Но что сам министр иностранных дел окажется чуть ли не бриттским ставленником? От Некаева я этого никак не ожидал.

- Прогнило все в датском королевстве, - согласился с ним я. - Чистить надо.

- В каком-каком королевстве? - Хитро прищурился Ребров.

- Не берите в голову, - отмахнулся я.

- Да как не брать, - пожал плечами генерал. - Скажи честно Дергачева, ты откуда к нам? Из нашего будущего или вообще не отсюда?

- А вы как думаете, Матвей Филиппович? - С Ребровым мне уже надоело валять дурака. - Может я вообще ангел с небес?

- Да какой ты нахрен ангел? Я тебя слишком хорошо знаю... Ни ангел ты и не демон, просто человек. Наверное, что-то в небесной канцелярии дало сбой и тебя сюда занесло из какого-то очень далекого далека. Может быть случайно, а может - по грехам нашим...и твоим. Ладно, хватит, больше я в эту мистику не лезу. Сама расскажешь, если захочешь. В общем, информация по либералам у тебя убойная. Но ее пока маловато для дела. Слушай сюда. Я добился того, что суд чести перенесут еще на два дня, на среду. Это раз. Сегодня же меня принимает Николай в Царском селе, - это два. И еще - есть точная информация, что Язольский, Родзинковский и еще парочка высокопоставленных генералов встречаются сегодня вечером в имении "Княжьи горы". Охраны будет полно, сама понимаешь, но надо бы их разговорчики незаметно записать. Сделаешь?

- Легко, Матвей Филиппович. Только назовите точное место и время.

- Сейчас назову, не беспокойся. Еще одно дело - мне надо завтра скрытно поговорить с замминистра внутренних дел Виленским, командующим Питерским военным округом Ташенковым и министром по делам печати Поленовым. Так чтобы ни одна посторонняя живая душа о разговоре не узнала... Я их и сам прикрою маскировкой, но нужно, чтобы их кто-то доставил по воздуху в Павловск. При этом их иллюзии во время нашего разговора должны сидеть в своих министерских кабинетах и создавать эффект присутствия.

- Тоже не проблема. Сильнейших магов из своего батальона для операции отберу лично. И сама поучаствую. Вам давно следовало на меня больше полагаться, Матвей Филиппович.

- Хорошо, Таня, действуем по нашему первоначальному плану, - рубанул воздух рукой генерал. - Начинай подготовку своего батальона, отзывай всех, кого только сможешь, из отпусков. В среду триста второй понадобиться нам во всеоружии. А там или голова в кустах или грудь в крестах - тянуть нам уже некуда. В день суда все и решится.

- Так точно господин генерал, - твердо ответил я. - Прорвемся, Матвей Филиппович.

Когда я в начищенном и отглаженном парадном мундире, при всех орденах и положенной офицеру шашке на поясе, прибыл к зданию Питерского офицерского собрания, в котором должен был проходить суд, то обнаружил там самый настоящий ажиотаж. У дома было полно офицеров - сотни две не меньше. И вся эта толпа встретила мое появление одобрительным гулом. Флотские, пехотинцы, кавалеристы - пока я шел от извозчика к крыльцу, офицеры в званиях от поручика до полковника подходили ко мне поздороваться и сказать пару слов

поддержки. Путь метров в пятьдесят занял у меня из-за этого с четверть часа. Откровенно говоря, такой популярности я не ожидал. Кроме офицеров был и простой народ и газетчики. Похоже, господа либералы сами себя перехитрили, устроив показательный процесс...

Внутри тоже было полно народу - зал собраний был битком набит людьми. Преобладали мундиры, но были и гражданские из чистой публики. Коротко поклонившись собравшимся и поздоровавшись с Ребровым, я молча занял место на скамье сбоку, где обычно сидели обвиняемые. До суда оставалось еще минут десять, и секретарь уже раскладывал бумаги на покрытый зеленой скатертью длинный стол с неизменным графином с водой посередине.

Судьи вошли ровно в десять. Всего шестеро полковников и подполковников, выбранных от всего Питерского округа, которым предстояло разбирать тяжкие Танечкины грехи. Гвардейский полковник недобро посмотрел на меня, занимая свое место за столом, но то ладно - видали мы инквизиторов и пострашнее. От гвардии мне пощады ждать не приходиться, да я и не собирался просить чьих-либо милостей. Вторым вошел представитель спецотдела - немолодой подполковник, один из доверенных сотрудников Реброва, участвовавший еще при нашем штурме Смольного. Тот сразу же ободряюще улыбнулся мне, подходя к краю стола. Двое полковников - пехотинец и артиллерист были мне незнакомы, а вот лицо кавалериста я где-то точно видел, только никак не мог припомнить где. Последним к столу подошел представитель флота, и тут мое сердце радостно екнуло. Шестым моим судьей мореманы выбрали не кого-нибудь, а моего доброго знакомца, капитана первого ранга Валка. И если Зиновий Федорович меня засудит за пьянку, то я уже даже не знаю... Впрочем, вряд ли, учитывая что он смотрит на гвардейца как на нечищеный гальюн.

Десяток генералов, включая Реброва и командующего гвардейцами Родзинковского, сидели тут же - в первом ряду, но они были вроде как зрители - считалось, что судить меня должны равные, а высокое начальство не при чем. Ну-ну, посмотрим... Представление обещало быть интересным.

Сначала я ответил на формальные вопросы. Да, я подполковник Татьяна Алексеевна Дергачева, командир отдельного триста второго батальона боевых магов. Крещеная, православная. Виновной ни по одному из пунктов обвинения себя не считаю, уронившей честь мундира - тоже. Встречные обвинения? Нет, не выдвигаю - подлецы получили от меня по заслугам, а дважды за одно то же наказывать не по-христиански. Имею ли желание сообщить о себе суду что-то дополнительно? Нет, не имею.

Затем председательствующий на суде полковник-пехотинец опросил полковника Ивачева и штабс-капитан Калинского и предложил гвардейцам немедленно перейти к сути дела. И тут начался самый цирк.

Судья-гвардеец вдруг заявил, что до обсуждения дела об оскорблении все присутствующие должны ознакомиться с моральным обликом обвиняемой, чтобы лучше представлять, с насколько павшей и греховной личностью они сегодня имеют дело. Поэтому он настаивает на выступлении свидетелей обвинения. Председатель не возражал, а вот Валк тут же выступил против, заметив, что тут собрались офицеры, а не священники и до морального облика Дергачевой ему лично дела нет. Офицер она блестящий, а пансион для благородных девиц находится по другому адресу. Представитель спецотдела его поддержал и кавалерист неожиданно тоже, при одобрительном гуле зала. Сразу же вышла патовая ситуация - три голоса против трех, и лишь заявление гвардейца о том, что эти показания необыкновенно

важны для следствия, заставили председателя дать слово Клобичу и Ваузе.

Тем пришлось откровенно плохо. Одно дело врать газетчикам и другое дело - лгать перед лицом обвиняемого, в зале полном людей, в том числе магов из моего батальона. Да и вопросы судей не давали разгуляться фантазии. - Дергачева пьет? Вы лично ее в пьяном виде видели, или наблюдали, как она это делает? Где и когда конкретно, при каких свидетелях? Ах, это ваше оценочное мнение и вы не можете вспомнить всех деталей? А может быть проблема в том, что она ваш командир и чем-то вам лично не нравится? Срывается на подчиненных и оскорбляет их? Правда? А вот у нас целое коллективное письмо от магов, где все это называется ложью. Есть и заключение от медиков о том, что признаков постоянных запоев у обвиняемой нет - слизистая горла здоровая и не имеет следов от характерного частого спиртового ожога, реакции в норме. И вообще, будем говорить откровенно - ваши показания против Дергачевой единственные, а вот под характеристикой о ее достойном офицера поведении подписались десятки знающих ее по службе и в быту людей. Они все лгут?

- Говорите, что подполковник запугала подчиненных в батальоне и бесчинствует? - Неожиданно вмешался в опрос свидетелей кавалерист. - Что за бред? Мы о ком говорим, о русских боевых летающих магах или о детях малых? Я был в окружении во время суомской кампании и видел их в деле. Нас тогда с передовым отрядом суомы поймали в огневой мешок по дороге в Яваталлаа. От трех эскадронов осталось с полсотни человек, мы отстреливались из-за трупов лошадей. Я думал уже все, отвоевался... Десяток магов во главе с Дергачевой разнесли северян, оседлавших дорогу за нами в считанные минуты, и вывели нас из кольца, прикрыв огнем. Там такое было... Гром и молнии, земля горит, суомы бегут врассыпную как мыши от кота. Если этих офицеров можно так легко запугать, то я даже не знаю... Элитных фронтовиков, магов, каждый из которых может сам вжарить заклятьем обидчика? Не верю. Как и прочим вашим россказням господа...

А я наконец-то вспомнил кавалериста. Действительно, было такое. Мы возвращались с задания и увидели попавших в ловушку своих бойцов, ну и помогли им конечно... Я уж и забыл об этом, таких случаев во время суомской кампании было немало. А оно вон как все повернулось.

Короче говоря, мне даже оправдываться толком не пришлось. Все обвинения в пьянке и аморалке слетели с меня сами собой после голосования, мне даже не предоставили слова в свою защиту. Четыре голоса за "немедленно оправдать": от флота, от спецотдела, от кавалерии и от артиллерии, при явном одобрении зала. Председатель - пехотинец воздержался, и гвардеец с его голосом "против" остался в явном меньшинстве. У газетчиков карандаши дымились в руках, с такой скоростью они писали что-то в своих блокнотах.

Дальше стали рассматривать дело об оскорблении Ивачева и Калинского и тут тоже все оказалось для гвардейцев не столь радужно, как они думали. Первым делом судьи их спросили, что они делали в отеле и не были ли они сами пьяны. Ответ о том, что они зашли навестить своего старого товарища, а сами почти не пьют, вызвал недоверчивый свист и реплики в зале, и председателю даже пришлось призвать офицеров к порядку. Калинского многие офицеры знали, как картежника и любителя погулять, а кто не знал, тех просветили газетчики - заказные статьи оружие обоюдоострое, а материала на гвардейцев было немало. В том числе и на штабс-капитана Ивачева и на молодого корнета Степана Линько, который, как оказалось, вляпался в нехороший скандал с забеременевшей дочкой одного лавочника. Их рассказ о том, что пьяная Дергачева ни с того ни с сего набросилась в коридоре на старшего по званию,

после предыдущей неудачной попытки вменить мне аморалку смотрелся откровенно бледно.

Я в это время сидел молча с самым гордым и несгибаемым видом. Отыгрывать героя надо по полной программе. Тем более, что мои обвинители старательно топили себя сами вскоре перейдя к основному доказательству - магической записи конфликта. Все же я их просчитал верно, что уж там.

В зале пригасили свет, и вышедший к судейскому столу Клобич активировал орб, создав в воздухе виртуальный экран размером примерно метра в полтора, попросив тишины. Зрители молча уставились на него, глядя как бесчинствует Таня. Вот двое офицеров подходят ко мне в коридоре, корнет с бутылкой остался за кадром. Затем видно и слышно, как я ору с перекошенным от ярости лицом в морду Калинскому.

- Ты, придурок!

- Она меня оскорбила! - Кричит на экране полковник. - Господа, вы свидетели, мне нанесено прилюдное оскорбление!

Следом за этим я его бью усиленной магией рукой, и гвардеец летит в дверь туалета. Затем расправа постигает штабс-капитана. Все их реплики и действия вырезаны, в кадре осталась только неадекватная Дергачева.

Тишина в зале после демонстрации Клобича повисла надолго. Первым в себя пришел председатель.

- Подполковник Дергачева, эта запись верна и соответствует действительности?

- Так точно, господин полковник. Подтверждаю.

- То есть вы действительно оскорбили господ гвардейцев, словом и действием?

- Нет. Оскорбленная сторона я.

- Объяснитесь, пожалуйста.

- Пожалуйста. Продемонстрированная вам магическая запись верна. Но она не является полной. Посмотрите, как все было на самом деле, без вырезанных сцен - активировал я свой орб.

В этот раз было видно и слышно все, тем более что моего дара хватило на экран во всю стену. И слова полковника про "нажралась как свинья и позоришь мундир", и слова штабс-капитана про "шлюхину дочку" и его плевок мне в лицо, и корнет бросающий бутылку на пол и бьющий вазу. Клобич застыл как громом пораженный, Калинский побледнел и, казалось, сейчас упадет в обморок, Ивачев, что-то зашептав, сел на стул. Тишина, вновь повисшая в зале, заслуживала избитого эпитета "мертвая". Но это продолжалось недолго.

- Вот как все было на самом деле, - громко сказал я, продемонстрировав запись. - А вы господа офицеры, смогли бы на моем месте сдержаться и не ответить на подобные оскорбления?

- Мы не ту судим господа, - вскочил со своего места Валк. - Но это легко исправить, даже собираться два раза не надо. Подлецы должны быть призваны к ответу.

- Поддерживаю, - тут сказал кавалерист. - Справедливость должна быть восстановлена.

- Артиллерист лишь молча кивнул головой, как и представитель спецотдела. На судью гвардейца никто даже не смотрел.

- Господа гвардейцы, вы обвиняетесь в ложном доносе, оскорблении чести мундира, оскорблении офицерской чести подполковника Дергачевой, и поведении недостойном офицера, - сказал председатель суда, тоже поднявшись с места. - Господа офицеры в зале, прошу задержать их. Как и магов, свидетельствовавших против бывшей обвиняемой. Подполковник Дергачева!

- Да, ваша честь.

- Встаньте с этой скамьи и сядьте в зале. Освободите место для тех, кто его заслуживает.

- Абсолютно верное решение, - тихо сказал вышедший откуда-то сбоку человек с роскошными усами и небольшой бородкой, одетый в богатый мундир. Сказал он тихо, но его услышали. Взгляды собравшихся в зале офицеров невольно устремились на поднимающегося к судейскому столу императора. Укрытый заклинаниями Пашки и Сережи Коротяева он до этого момента находился в зале инкогнито.

- Я надеюсь, подполковник Дергачева полностью оправдана, - продолжил Николай, подойдя к председателю и повернувшись лицом к залу. - Но сам факт того что на одного из лучших офицеров России и героя событий двадцать второго года было воздвигнуто столь нелепое обвинение, не может остаться без внимания и последствий. Пользуясь своими полномочиями, я прошу исполнительный комитет сегодня же собраться в полном составе и обсудить случившееся.

http://tl.rulate.ru/book/56995/1458597